

Содержание

Предисловие	5
-------------------	---

ЯЗЫКИ НИМРОДОВОЙ БАШНИ

Язык народа йон	18
Язык народа зибура.....	18
Язык народа югурунд	19
Язык народа цоог	21
Язык народа орзак	25
Язык народа качивикэснакбуйдовир	28
Язык народа кивоз.....	29
Язык народа чудлай.....	30
Язык народа зэльк.....	31
Язык народа удбор (несуществующего)	33

ФИГУРЫ ДОНА

Сторож моря	36
Недруг неба.....	36
Кондуктор реки	37
Слесарь степи	38
Гонитель смерти.....	39
Узник дельты.....	40
Добытчик счастья	41

Любимец вод	42
Слуга горы.....	43
Вещунья сухополов.....	44

ИСТОРИЯ ПЕСЕН. *Рассказы о Катulle*

От автора	50
Comites	51
Рoena	58
Puella defututa.....	66
Novem	72
Gemelli fratres	77
Вместо послесловия	84

ПЕРСОНА ВНЕ ДОСТОВЕРНОСТИ. *Повести*

Прощание с архивариусом	93
Почему великий тамбурмажор ненавидел путешествия	122
Тайны жалонёрского искусства, или Разоблачение д-ра Казина	157
По следам дворцового литавриста	204
Дело об инженерском городе	245

Предисловие

Названием этой книги я обязан французским издателям Алану и Софи Бенеш. Алан, в прошлом книготорговец, и его дочь Софи, известный переводчик-русист, — персоны знаковые для книжного мира Франции и России. В каталоге основанного ими издательства Interférences, помимо англосаксонских и восточноевропейских авторов, целое созвездие русских имён: Анна Ахматова, Марина Цветаева, Леонид Андреев, Варлам Шаламов, Исаак Бабель, Борис Пильняк, Зинаида Гиппиус, Василий Гроссман, Алексей Ремизов, Евгений Замятин... *«Мы публикуем только те книги, которые сами были бы готовы купить для своей личной библиотеки»*, — формулируют Алан и Софи на сайте издательства собственное кредо.

Но не каталог и не эта формулировка (прекрасная во всех отношениях) впечатлили меня, когда я кликнул по ссылке на издательский сайт, неожиданно получив письмо из Франции.

Впечатлила непреклонность странной издательской судьбы моих книг, которая водит их окольными путями.

Я ещё не успел привыкнуть к той мысли, что 25 миниатюрных рассказов будут собраны вместе и впервые изданы отдельной книгой на французском (именно об этом шла речь в письме из Франции от Софи Бенеш, предложившей мне такое издание), как явилось

и название будущей книги, издательского эквивалента которой на русском не существовало.

Обсуждая в последующей переписке с Софи детали издания, я посетовал, что хотя и чувствую связь между тремя циклами миниатюр — «Языки Нимродовой башни», «Фигуры Дона» и «История песен. Рассказы о Катулле», из которых издательство намерено составить книгу, но у меня, к сожалению, нет общего названия, способного передать родство этих вещей, несхожих как по месту и времени действия, так и по масштабу описываемых в них явлений.

Действие первого цикла происходит в Месопотамии, в Сеннаарской долине, за двадцать веков до Р. Х., когда под руководством царя Вавилонии Нимрода, внука библейского Хама, строилась представителями разных народов башня до небес. Как известно, она обрушилась: Создатель внезапно лишил строителей единого языка Адама, на котором они говорили. О возникших затем обособленных языках (степень их реальности не имеет значения) и о некоторых причудах на этой грандиозной стройке (они под стать языкам) в цикле и идёт речь.

«Фигуры Дона» представляют галерею людей не от мира сего, отдельных, необычных. Они обитают в конкретных местах на донской земле, например в дупле ивы возле хутора Усть-Койсуг или в сухой траве

в междуречье Сала и Маныча. Их можно встретить прямо сейчас — фигуры относятся к настоящему времени, хотя и могут быть сопричислены к вневременной мифологии Дона.

В «Истории песен. Рассказах о Катулле» главный герой обозначен в заглавии. Время действия — поздняя Римская республика. Рассказы повествуют о том, как великий латинский лирик Гай Валерий Катулл сочинял свои стихи. О характере этих рассказов я однажды высказался ясно (что не всегда желательно) в вынужденных ответах (отказать было невозможно) на вопросы студентки Римского университета Тор Вергата Валерии Меркури. Ответы от автора нужны были ей для дипломной работы, посвящённой «Истории песен». То ли заподозрив что-то неладное с моими рассказами, то ли в чём-то не доверяя мне, она загнала меня в угол своим интервью. Вот его показательный фрагмент:

Валерия Меркури. Насколько правдоподобно то, что вы пишете о Катулле?

Владислав Отрошенко. Достоверно всё — от первой до последней буквы. Я нигде не отступил от образа загадочного римского юродивого, блаженного и гениального поэта, городского дурачка, поцелованного Богом. Это образ, который возник у меня в душе и который я глубоко любил.

Софи Бенеш в ответ на мои сетования, что объединяющего названия для трёх циклов рассказов нет, вскоре сообщила, что название есть. Разумеется, оно французское. Его придумал её отец Алан Бенеш. И выглядит оно так: *Détours de Babel*.

Спустя некоторое время это название я увидел на обложке моей книги. Она вышла из печати к началу Парижского книжного салона, проходившего в марте 2018 года. Мы презентовали её на площадках салона и в Сорбонне вместе с Анн-Мари Татсис-Боттон, которая перевела книгу вдохновенно и с полным погружением в текст, как умеет делать этот блестящий мастер, золотое переводческое перо Франции (она же переводила ранее и другие мои книги, выходявшие во Франции: роман «Приложение к фотоальбому», сборники эссе-новелл «Гоголиана» и «Тайная история творений»).

На книжном салоне я наконец познакомился (очно) с Аланом Бенешем.

Приветливый, добродушный, осанистый и крепкий, хоть и в больших летах, человек, он сидел в центре подковообразной стойки среди книг своего издательства, как патриарх в окружении детей и внуков.

Мы поговорили тогда о многом. Но в первую очередь, конечно, о книгах издательства *Interférences*. Они

действительно таковы, что их хочется «*купить для своей личной библиотеки*».

Я поблагодарил Алана за придуманное им название для моей книги. Он, посмеиваясь, сказал, что оно пришло ему в голову случайно после прочтения текстов. Потом добавил: «Оно очень хорошо звучит по-французски!..» Это подтвердила и Софи, участвовавшая в беседе. Я заверил Алана, что и русский эквивалент — звучит. А главное, передаёт связь вещей, входящих в книгу. И связь этой книги с другими моими вещами.

Babel означает Вавилон.

Détours — повороты, изгибы, обходные тропы, окольные пути.

«Околицы Вавилона» — это название наиболее точно отображает природу текстов, которые собраны в книге, составленной для издательства «Альпина. Проза».

Цикл из пяти повестей «Персона вне достоверности», вошедший во вторую часть книги, объединяет с мини-рассказами первой части не только художественный принцип, но и хождение по окольным путям в сложном издательском мире.

Как и в случае с французским изданием, всё развивалось странно и неожиданно, будто во сне.

Сначала посреди ночи раздался телефонный звонок. Голос в трубке уточнил, со мной ли он говорит. Ночь в Москве была глубокая — телефонирующий говорил с акцентом: звуки растягивались наподобие мяуканья. Слова, которые он повторял: «Воланд... контракт... Рим...», не располагали к вере в реальность происходящего. Я ждал, когда какая-нибудь метаморфоза, например переход на чистое — без всяких слов — мяуканье, выдаст потустороннюю природу голоса. «Рим... перевод... ваша книга... Воланд», — доносилось из трубки.

Мефистофельское имя, то и дело звучавшее в разговоре, и длинная зимняя ночь, вмещающая множество сновидений, сделали своё дело. Наутро я подумал, что разговор мне приснился.

Но вскоре выяснилось, что лёгкое примяукивание — это особенность произношения некоторых коренных римлян (что-то вроде аканья москвичей). Голос в трубке принадлежал не Бегемоту, а слависту Марио Карамитти, переводчику Замятина, Венедикта Ерофеева, Саши Соколова, прозы Пушкина, Достоевского. Volland — название итальянского издательства, которым владеет Даниела Ди Сора, профессор Римского университета Ла Сапиенца, знаток русской литературы, поклонница Булгакова.

Через год повести цикла «Персона вне достоверности» (тогда их было только три) вышли на итальянском, не

имея русского книжного эквивалента. Называлась книга *Testimonianze inattendibili* (буквально «Недостоверные свидетельства»). Перевёл её Марио Карамитти.

С этого времени Италия стала не то чтобы входить, а просто накладываться на мою жизнь — как будто параллельное сновидческое существование. Я стал довольно часто ездить туда. Случалось, что жил там, читал лекции в Венеции, Риме, Болонье, Пизе. В Италии публиковались мои эссе, выходила проза. И однажды на подмосковной даче я вдруг узнал, что мне присуждена итальянская литературная премия «Гринцане Кавур» (*Grinzane Cavour*) — за цикл тех самых повестей «Персона вне достоверности», крестным языком которых стал итальянский.

Повести эти связаны с Югом России, местами обитания донского казачества. Но действие в них выходит далеко за пределы этой области мира.

Юг России — территория, где происходит много таинственного.

Это пограничные места.

Правый, западный, берег Дона казаки всегда называли Крымской стороной, левый, восточный, берег — Ногайской стороной. В этом они совпадали с античными географами, которые считали, что граница между Азией и Европой пролегает точно по Танаису (Дону).

Более пограничного мироощущения, чем то, которым обладало донское казачество, и представить невозможно. В казаках проявилась не только глобальная российская пограничность между Западом и Востоком, но столь же глобальная пограничность — между Севером и Югом.

Здесь соприкасаются две ойкумены — северная (историк Эренджен Хара-Даван называл её *монголосферой*) и средиземноморская. Они — как две колбы песочных часов. Между ними — узкое горлышко донской дельты.

На Нижнем Дону и в Приазовье возник мощнейший «плавильный котёл». Там было полмира: греки, сербы, кавказские горцы, немцы, венгры, евреи, поляки, литовцы, турки, французы, испанцы, англичане, русские, украинцы, итальянцы — всех не перечислить.

Собственно, эта глубокая физическая и метафизическая пограничность казачества и порождала на Нижнем Дону всевозможные, почти мифологические чудеса: итальянских архитекторов и французских инженеров, которые проектировали и строили казачью столицу Новочеркасск; лютеранские кирхи и буддийские молельни в этой самой столице; венецианцев и генуэзцев, колесивших в поисках счастья по Речной республике (*La repubblica del fiume*), как они называли землю донских казаков; войсковых атаманов, которые принадлежали по происхождению

к западноевропейским нациям; полковников, которые подражались таскать рыбачьи сети к урядникам; казаков венгров, казаков калмыков, казаков итальянцев, казаков немцев — был такой известный немецкий казачий род Миллеров, от которого происходит название современного города Миллерово в Ростовской области...

Миф в этих пограничных краях — повсюду. Даже сама загадка происхождения казаков окутана плотным облаком мифов, сквозь которое историки просматривали то амазонок, поселившихся в Приазовских степях и поучаствовавших в зарождении казачества, то викингов, которые, согласно скандинавским сагам, называли донские степи Великой Швецией (Det stora Svitjod) и имели там военные лагеря, послужившие прообразами казачьих городков-крепостей на речных островах. Некоторые исследователи даже искали в дельте Дона на территории города Азова, как это делал в начале 2000-х годов Тур Хейердал, мифический Асгард.

Таков реальный миф и мифологическая реальность Донской степи.

Таков её Вавилон.

Окольные пути иногда бывают самыми верными.

Название для книги, родившееся в голове французского издателя, а затем переведённое автором — возможно, не

вполне точно — на русский, оказывается самым точным для передачи искомых связей между Вавилоном месо-потамским, казачьей столицей Новочеркасском, катуловским Римом и донскими хуторами, на околицах которых могут обнаружиться странные фигуры.

Владислав Отрошенко

Москва

ЯЗЫКИ
НИМРОДОВОЙ
БАШНИ

ЯЗЫК НАРОДА ЙОН

Из всех народов, строивших Вавилонскую башню, народец йон был самый безалаберный. Йонцы ничего не делали на строительстве. Только песни пели — мол, песня строить и жить помогает. Когда же Всевышний, пресекая затею строителей, сотворил множество языков (раньше говорили на одном), йонцам достался такой, в котором было пять слов: «жираф», «барaban», «вечность», «заусенчатый», «тяпать». Но йонцы не унывали — сложили на своём языке тысячи песен, стихов; создали эпос. Существует на йонском философский трактат: «Жирафозаусенчатая вечность».

ЯЗЫК НАРОДА ЗИБУР

Зибурский язык — громадный. В нём восемьсот миллионов слов. Столько же было кирпичей в Вавилонской башне. Зибурцы их обжигали — такая у них была работа. На зибурском поименовано всё. Есть слово, которым обозначается «заострённая часть вишнёвой косточки», — *кунстака*; а также слово *абью* — «прикосновение кунстаки к чувствительным участкам нёба». Есть слово *бу-мома* — «сеть небольших лунок, оставленных дождём

на песке»; а также слово *чикма* — «неожиданно возникающее желание увидеть вблизи какую-либо маленькую статуэтку». Выражение «нет слов» представляется абсурдным любому носителю зибурского языка. Слова есть всегда. Зибурыцы любят и воспевают язык, называют его *бибасху* — «входящий во все подробности зримого и незримого мира». Не любит его только солдат-чужестранец — персонаж народной сказки, мгновенно овладевший им при помощи заклинания, чтоб обольстить зибурскую девушку. Он поносит язык за то, что он *чечбечку* — «убийственно богатый» и *феоцбу* — «не позволяющий ничего утаить для бессловесного чувствования и видения». Затем снова прибегает к заклинанию, чтоб навсегда забыть зибурский. Но вместо этого превращается в *мульми* — «маленькие катышки снега, налипшие на поверхность шерстяной одежды».

ЯЗЫК НАРОДА ЮГУРУНД

Югурунды плохо разговаривали на едином языке Адама, которым владели все строители Вавилонской башни. Если человек от рождения не был югурундом, то он не понимал ни слова из того, что произносили представители этой нации. Даже царь Нимрод, вдохновитель строительства, обладавший чутким ухом зверолова, не

мог разобрать, о чём говорят югурунды. Он лишь раздражался, а иногда свирепел, слушая, как они что-то мямлят, что-то бормочут, выполняя совершенно ненужную работу, — югурунды вырезали из листьев кружочки и приклеивали их слюнями к наружной части деревянных корбоек, служивших для формовки глиняных кирпичей. Уже к середине четвёртого года строительства (башню возводили 70 лет) Нимрод издал указ, в котором говорилось: «Пусть югурунды не облачают свои мысли ни в какие звуки в пределах долины Сеннаарской, где строится башня до небес». Югурунды так и проработали молча до дня пресечения строительства. Они заговорили, пережив гнев Господа и рассеяние народов, уже на своём — югурундском — языке. «Замолчали на югурундском», как сказано в летописи этого народа. Подразумевается то обстоятельство, что любое югурундское слово представляет собой определённый, но бессмысленный набор звуков. Смыслом обладает молчание. Именно оно составляет фундамент югурундской речи. Например, югурундские слова или, говоря более строго, похожие на слова звуковые комплексы *явин* и *калахур* сами по себе ничего не значат. Но если произнести — *явин*, а затем, промолчав ровно одиннадцать секунд, произнести — *калахур*, то возникает прилагательное «бессмертный».

Югурунды во время разговора не высчитывают, сколько времени длится смысловая пауза. Чувство длительности

молчания дано им от рождения. Иностранцы лишены возможности говорить на югурундском или воспринимать его на слух. Однако письменным языком овладеть удаётся, так как исчезает главное препятствие устного языка — то, что югурундские грамматики называют «молчанием, осеменяющим слова». На письме оно изображается примитивно — пробелом определённой длины. Имея измерительный инструмент, можно легко распознать уже упомянутое прилагательное «бесмертный». Оно рождается при расстоянии в девять миллиметров между последним знаком «слова» *явин* и первым знаком «слова» *калахур*. Сами югурунды при чтении и письме воспринимают и воспроизводят значимые интервалы без каких-либо вспомогательных средств. И лишь «пращуры, видевшие смерть Нимрода, — сообщает югурундская летопись, — клали в пробелы, чтобы знать расстояние между словами, головы муравьёв».

ЯЗЫК НАРОДА ЦООГ

Цооги были очень бодрым и работающим народом. Едва проснувшись (все строители спали прямо на стройке, на разных ярусах Вавилонской башни), цоогские мужчины, женщины, старики и дети брались за работу. Цооги поднимали грузы при помощи кранов и лебёдок.

В день смешения языков цооги пробудились первыми и первыми же заговорили — стали громко выкрикивать: «*Ярья! Зёба!*» Однако другие народы, разбуженные этими выкриками, поначалу не догадались, что у цоогов теперь отдельный язык. Потому что слова *ярья* и *зёба* не являлись исконно цоогскими. Они принадлежали всеобщему языку, который хотя и улетучился из ума всех строителей, но всё же оставил там неизгладимые следы. Слово *ярья* на едином языке Адама означало «опускай! майна!», *зёба* — «поднимай! вира!». Эти термины сохраняли своё первоначальное значение и в цоогском. Но совсем недолго. Уже к вечеру слово *ярья* стало обозначать на языке цоогов «камыш», а *зёба* — «сновидение».

Такова особенность цоогского языка — в нём не существует слов, которые обладали бы устойчивым значением более чем восемнадцать часов подряд.

Цооги не в состоянии объяснить носителям других языков, каким образом они улавливают постоянно меняющиеся значения цоогских слов. Сами они считают свой язык «подлинно живым», «восхитительно подвижным», «необыкновенно текучим» и т. п. Дух смысла, говорят цооги, не должен задерживаться в словесных оболочках — ему положено совершать непрерывное движение сквозь материю слов. Именно это и происходит в цоогском. Все слова в нём подразделяются на

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru